

Родники

Какое удивительное, ни с чем не сравнимое богатство таится в роднике, когда он, журча, выбивается из-под лесной коряги и прокладывает себе путь меж травами, нанося на дно золотистый песок и мелкую гальку. И вот он, прозрачный, извивается и убегает куда-то, чтобы непременно впасть в речку, в болотце или прудик. Неизвестно почему он выбился из-под почвы именно здесь, а если он иссякнет, то, значит, вода найдет выход в другом месте, родник забьет хрустальной струйкой и покатится. Куда? Одному ему известно.

«Родники»* — так назвала свою книгу воспоминаний всеми нами любимая сценаристка Мария Николаевна Смирнова. И название это оправдывается, поскольку это отдельные, удивительно своеобразные рассказы, они, как роднички, выбиваются из ее памяти, чтобы потом слиться в широкую и глубокую реку ее творческой жизни.

Смирнова написала много отличных сценариев для кинофильмов, но для меня лично она прекрасная, умная и талантливая прозаик.

В рассказах Смирновой прозаическая речь уживается с русской сказкой, и потому естественно и органично обращение автора к своему любимому двухсотлетнему дубу: «Дай мне малую частицу твоей силы, чтобы я снова могла, придя к тебе, увидеть твой ствол в снегу или в ликующих красках осени. Дай видеть, как через твои ветви сияет небесная лазурь, в резных листьях гомонят птицы, а туча низвергает на тебя потоки дождя».

Уроженка оренбургских степей, Смирнова с малолетства научилась наблюдать за природой и любить ее извечную дикую красоту.

Она коротко, но блестяще умеет описать навсегда запавшую ей в душу и память неведомую нам змную тоску степных верблюдов по теплу, когда они, увидев кучу горячей золы возле куницы, спешат по очереди обвалиться в этой куче, чтобы хоть немного согреть свои горбы. «По Сахаре скачуют», — объясняет старик караульщик, разглядывая облака золы, в которой с наслаждением барахтаются животные.

«Вот так и мне суждено, — пишет автор, — валяться в горячей золе воспоминаний, обжигаться и как бы начинать все сначала... Мой родник — это степной сохос имени Карла Маркса. Его природа и быт!»

Как же горяч этот родник ее памяти! А горячий родник — это уже священный, целебный источник.

Книгу свою Смирнова посвящает памяти своего приемного отца Николая Андреевича Овсянникова. Особенно ярко автор характеризует его в моем любимом коротеньком рассказе «Змея», всего на полстраницы.

Сюжет его необычен, сказочен, хоть это чистейшая быль.

В зимний день кухарка совхоза возвращается с речки с ведрами. Встретив на дороге директора совхоза Овсянникова, она, поставив ведра на снег, рассказывает ему историю о том, как заметила, что рядом с ней ползет змея. Женщина задерживается, и змея тоже. Кухарке не понравилась желтая пена на воде заливычка, и змея отвернула от воды головку. Наконец, кухарка в какой-то ложбинке нашла светлую воду, стала черпать ее ковшом, а змея тут же начала пить. Тогда кухарка убила змею коромыслом. Овсянников качнул головой, выслушав кухарку, и, посмотрев ей в глаза, строго спросил: «Так кто ж из вас змея?». И, не оглядываясь, заторопился в контору.

Для меня этот образ Овсянникова, словно скульптурно, вылеплен Смирновой. Вижу его всего в натуре, его мудрость, честность и величие.

Сильно и нежно рассказывает Смирнова о своей приемной матери (родная мать умерла, воспитывала девочку тетка). О ее красоте внешней и душевной, о ее голосе Мария Николаевна рассказывает так, что, читая, почти слышишь его. В памяти остались некоторые материнские песни и на всю жизнь с ней остались понимание народной песни и верность прекрасной русской речи, особая речь степных людей.

Смирновой удаются и портреты степных людей. Она создает их то штрихом, то акварелью, а какие-то словно на-

писаны маслом. В нескольких строчках, к примеру: «Сам Никанор высокий, как жердь, спина кочергой, голова дыней, глаза поставлены к самому носу, если в них подольше задержаться — околсеешь!». Здесь говорит в Смирновой уже художник. Это то, что впоследствии ей дало возможность и радость видеть героев своих сценариев и показать их в ярких и точных словах. Ее способность воссоздать сцены народных представлений, которые устраивались скоморохами на ярмарках, масленичных гуляньях и на святках, поистине замечательна. Чисто народное, богатое фантазией искреннее народное искусство оживает в главе «Представление» в «Скоморошьей» свадьбе, сыгранной в конторе-клубе степного совхоза.

А какая прелесть крохотная глава «Штаны»! Какая чисто русская народная байка о кладовщице Ефимушке и жене его Сане, которая сшила мужу две пары штанов. Влез он в одну — велики до невозможности.

— Санюшка, голубушка, да я в них тону!

— И-и, Ефимушка, миленький, они съдут!

Надел другие — малы до того, что по швам трещат.

— Санюшка, ягодка, да они мне узки совсем!

— Бог с тобой, Ефимушка, миленький, они вытянутся!

Это по-народному простодушное лукавство размягчает душу тем, кто еще помнит наши поговорки, байки и пословицы.

Читаешь эти строки и невольно задумываешься о современном отношении к традиционному народному искусству. Сейчас наблюдается большое тяготение к нему именно в самостоятельных ансамблях песни и танца. И хотя танцуют там лихо и с большим мастерством, шаблон и однообразие, плохой вкус руководителей вызывают нередко протест и недоумение. Немыслимой яркости бутафорские костюмы с блестящими (видимо, очень дорогостоящие) создают ложное представление о подлинном русском народном стиле. Особенно нелепо выглядят бутафорски разодетые хористы и хористки. Русская песня зачастую грустная, вдумчивая, отражающая трудное прошлое нашего народа, требует бережного и внимательного отношения. Ее характеру должно соответствовать и оформление. Отличный пример в этом отношении дает Московский камерный хор, которым руководит профессор В. Минин: здесь и костюм, богатство репертуара, и разнообразие музыкальных форм («Свадебная песня» и «Венули ветры» в обработке Д. Шостаковича, или «Перезвоны» В. Гаврилина) приобщают слушателя к подлинному русскому искусству.

Однажды я была потрясена небывалым зрелищем, когда по телевизору показали соревнование молодых, красивых пловчих в бассейне. На них были купальные костюмы, на ногах — ласты, а на головах... кокошники! Как же все это было нелепо!

— Ты понимаешь, Маша, — рассказывала я об этом Марии Николаевне Смирновой, — мало того, что это безвкусица, но это еще и издевательство. Я помню, в детстве, когда дед мой Суриков писал картину «Царевна в церкви» (ныне она висит в Третьяковке), для этюда он достал в музее настоящий кокошник, расшитый жемчужком, и наплечники-бармы. Все это он надел на меня, девятилетнюю внучку, чтобы сделать этюд для картины. И я, поэтировав немного, взмолилась: «Дедина, снимми ты с меня этот кокошник, он такой тяжелый, просто мочи нет!» А дед, смеясь, отвечал: «Ничего, ничего, постои еще немножко. Русские девицы целыми днями ходили в кокошниках, а ты и десяти минут постоять не можешь!».

— Да уж, — смеялась Мария Николаевна, — в таком кокошнике пловчиха бы утонула, перевернувшись в воде!

— Ну, почему нет у нас какого-то серьезного, разумного отношения к традициям старой русской культуры? — бушевала я. — Почему нет протестующих этой безвкусице?

Мария Николаевна поглядела на меня своими сероглубыми лучезарными глазами и лукаво улыбнулась:

— А ты, как я погляжу, Карась-идеалист!

Однако вернемся к нашим «Родникам».

Автор, удивительный мир детства и юности. Бесконечно привязанная к родному селу, богато одаренная девочка тайно от родных бежала из села в Самару, окончила среднюю школу и верну-

лась домой учительницей. А в 1924 году уехала в Москву уже навсегда.

Отсюда начинается вторая часть книги, посвященная жизни в кино. И тут раскрывается вся готовность Смирновой к трудному творческому пути, который совпал с периодом становления советской кинематографии. Комсомольцы — студенты ГИКа, как она пишет, жили «неустроенно и голодно», на стипендию в тринадцать рублей, подрабатывали, разгружая вагоны на товарных станциях или работая в цехах фабрики «Большевик».

Жизнь в ГИКа была напряженной, но интересной и содержательной. Тут Смирнова встретила с будущими знаменитостями, тогда начинавшими Тарасовой, Эйзенштейном, Роммом, Пудовкиным. Тут вскоре вышла замуж за будущего режиссера Познанского. Именно тогда Смирнова и начала свой путь сценариста. Для нее кино стало чудом, волшебством, в котором за полтора часа можно показать в развитии жизнь человека. На последнем курсе ГИКа Смирнова написала сценарий «Ее путь», который вышел на большой экран в постановке Д. Познанского и А. Штрижака с Эммой Цесарской в главной роли. Вслед за этим появились на экране и другие фильмы по ее сценариям, среди которых был и такой популярный, как «Бабы» с Аллой Тарасовой в главной роли.

Знаменательно, что все сценарии Смирновой шли от ее глубокого, настоящего знания жизни своего народа. Неистребимая любовь к родной земле и человеку на этой земле лежит в основе ее творчества. Духовная сила русского землепашца, скотовода, а позднее воина и защитника Отечества интересует и восхищает Смирнову, и этими чувствами она щедро делится со своими зрителями и читателями.

Особое место в книге воспоминаний занимает глава «Здравствуй, Кин» — превосходно написанный литературный портрет народной артистки СССР Веры Марецкой, большого друга Смирновой в течение сорока лет. Смирнова, бесконечно любя Марецкую, приравнивала ее талант к таланту гениального английского актера начала прошлого века — Эдмунда Кина.

«Она и была, — пишет Смирнова, — великим Кином, способным в любую минуту превратиться в юную, чистую девушку, в старуху-сводню, в футболиста. Она была гением импровизации...».

Марецкая считала самой главной вехой в своем творчестве роль Вареньки Мартыновой в сценарии «Сельская учительница», написанном для нее Марией Смирновой. В свои «за сорок» она блистательно прожила жизнь героини с шестнадцати до шестидесяти лет. Марецкой было близко и дорого все, что было найдено в искусстве кинематографии этой, как она называла Смирнову, «солдаткой, деревенщиной». Видимо, они обе горячо любили и понимали Родину и в этом находили свою духовную близость и гармонию.

Читая очерк о Марецкой, я вспоминала и мои встречи с актрисой, ее неизбывный юмор и несокрушимую волю. На моем 70-летнем юбилее Марецкая с Пляттом блестяще сыграли на сцене Дома литераторов импровизированную сцену: они, разглядывая публику, сидящую в зале, рассказывали друг другу какие-то занятные истории о знакомых, которых здесь узнавали. Это было необычно остро и интересно. Когда же за кулисы она обняла Веру за плечи, чтобы поблагодарить за чудесный сюрприз, она внезапно сказала с отчаянной гримасой и зашептала мне: «Не касайся! Бога ради, не трогай меня, иначе я закричу! Ведь боль адская!» И это через пять минут после яркого, острого и веселого ее выступления! Какова же была ее выдержка и желание жить!

Конечно, лучшим сценарием Смирновой является «Сельская учительница», хотя и в «Бабах», и в «Ходячих за три моря», и в «Повести о настоящем человеке» она оставалась на высоте сценарного искусства и стояла в авангарде этого трудного жанра. Очевидно, ключом к ее творчеству можно считать слова из главы «Седое детство»: «Где бы я ни находилась, чего бы в жизни ни достигала, я неизменно думала о трудностях, добавляющих хлеб. В течение всей сознательной жизни я возвращалась к теме Земли. Моя память не только возвращала мне давно пережитое, но так же охораняла остроту некогда испытанных чувств».

Наталья
КОНЧАЛОВСКАЯ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.

* «Родники. М. Смирнова, Серия «Мемуары кинематографистов», издательство «Искусство», 1984.